

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИВАНА ИЛЬИНА И ЕВРАЗИЙЦЕВ: ДВА ВЕКТОРА РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ 20–30-Х гг.¹

© *И.В. Демин*

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 15.08.22

В окончательном варианте: 03.09.22

■ Для цитирования: Демин И.В. Революция 1917 года в интерпретации Ивана Ильина и евразийцев: два вектора русской консервативной публицистики 20–30-х гг. // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 3. С. 41–47. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.3.3>

Аннотация. Проводится сравнительный анализ двух трактовок Русской революции, представленных в публицистических работах Ивана Ильина и евразийцев. И Ильин, и евразийцы усматривали духовные истоки и предпосылки революции в умонастроении русского предреволюционного общества, прежде всего — русской интеллигенции. Разделяя общую установку на ценностный примат национальной самобытности, Ильин и евразийцы радикально расходились в оценках сущности и перспектив русского большевизма. Это расхождение объясняется несовпадением фундаментальных исторических презумпций. Для евразийцев советское государство было продолжением многовековой истории России-Евразии. Ильин же усматривал в русской революции катастрофический разрыв исторической преемственности.

Ключевые слова: Русская революция; большевизм; идеология евразийства; политическая философия И.А. Ильина; критика европоцентризма.

RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AS INTERPRETED BY IVAN ILYIN AND THE EURASIANISTS: TWO VECTORS OF RUSSIAN CONSERVATIVE JOURNALISM IN THE 1920^s AND 1930^s

© *I. V. Demin*

Samara University, Samara, Russia

Original article submitted: 15.08.22

Revision submitted: 03.09.22

■ For citation: Demin I.V. Russian Revolution of 1917 as interpreted by Ivan Ilyin and the Eurasianists: two vectors of Russian conservative journalism in the 1920^s and 1930^s. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(3):41–47. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.3.3>

Abstract. The article provides a comparative analysis of two interpretations of the Russian Revolution presented in the journalistic works of Ivan Ilyin and the Eurasianists. Both Ilyin

¹ Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

and the Eurasianists saw the spiritual origins and prerequisites of the revolution in the mindset of the Russian pre-revolutionary society, primarily the Russian intelligentsia. Sharing a common attitude towards the value primacy of national identity, Ilyin and the Eurasianists radically differed in their assessments of the essence and prospects of Russian Bolshevism. This discrepancy is explained by the inconsistency of fundamental historical presumptions. Eurasianists considered the Soviet State a continuation of the centuries-old history of Russia-Eurasia. In turn, Ilyin saw in the Russian Revolution a catastrophic break in historical continuity.

Keywords: Russian Revolution; Bolshevism; Eurasianism ideology; I.A. Ilyin's political philosophy; critique of Eurocentrism

Русская революция 1917 г. стала переломным событием не только в общественно-политическом развитии России, но и в истории отечественной философской мысли. Ни один из русских мыслителей, современников 1917 года, не обошел вниманием это событие. Достаточно упомянуть в этой связи авторов знаменитого сборника «Из глубины» (1918): Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, С.А. Аскольдова, В.Н. Муравьева, П.Б. Струве, П.И. Новгородцева. Философская и философско-публицистическая литература, посвященная осмыслению духовно-мировоззренческих предпосылок, политического и религиозного смысла революционных событий, их возможных последствий, исчисляется сотнями (если не тысячами) статей и брошюр. Дискуссии о русской революции, большевизме, советском общественно-политическом строе не прекращались на протяжении более трех десятилетий (20–40-е гг.) и стали затихать лишь в конце 40–начале 50-х гг., вследствие ухода из жизни виднейших представителей русской эмигрантской философской мысли.

При всем многообразии конкретных оценок и трактовок, в контексте русской философской эмиграции события 1917 г. воспринимались по преимуществу как национальная катастрофа. Однако эта общая оценка скрывала множество идеологически полярных трактовок и интерпретаций. На примере интерпретации и оценки русской революции и советского политического проекта становится отчетливо видна мировоззренческая и идеологическая неоднородность и даже расколотость не только эмигрантской общественно-политической мысли, но и консервативного ее направления. В консервативной публицистике 20–30-х гг. XX в. обнаруживается как минимум два разнонаправленных вектора: национально-монархический, связанный с именем И.А. Ильина, и евразийский.

Из всех представителей русской философской эмиграции Иван Александрович Ильин, как известно, занимал наиболее непримиримую и бескомпромиссную позицию по отношению к революции 1917 г. и большевизму. В десятках статей, не жалея хлестких отрицательных эпитетов, он разоблачал революцию как «величайшее насилие» и «величайшую ложь» [5], «неизжитый бунт крепостной души и крепостной злобы» [5], «узаконение уголовщины и политизацию криминальной стихии» [5]. На этом фоне оценка революции классиками евразийства 20-х г. (Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким, Н.Н. Алексеевым) отличалась большей сдержанностью, парадоксальностью и была куда менее однозначной.

Представленная в публицистике Ильина и евразийцев трактовка революции неоднократно рассматривалась в исследовательской литературе [2, 3, 11, 12] и хорошо известна историкам русской общественной мысли. Остановимся поэтому, лишь на самых общих и наиболее значимых моментах.

Обратимся вначале к тем мировоззренческо-идеологическим установкам, которые являются общими для Ильина и евразийцев.

И Ильин, и евразийцы усматривали духовные истоки и предпосылки революции в умонастроении русского предреволюционного общества, прежде всего — русской интеллигенции. Примечательно, что Ильин не менее последовательно, чем евразийцы, обличал ту «западническую» традицию русской общественной мысли, идейным вдохновителем которой был Чаадаев. «Русская революция, — писал Ильин, — подготовлялась на протяжении десятилетий <...> людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, “идеями” которой они как голодные дети объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России — католика Чаадаева» [6, с. 107–108]. Марксизм в этой связи рассматривался русским философом как одно из направлений идеологически многоликого русского западничества, не имевшего ничего общего с отечественной духовно-исторической традицией и органически враждебного русскому православию [4].

Критика беспочвенности русской интеллигенции (как либеральной, так и революционной), изобличение западничества как мировоззренческой предпосылки национальной катастрофы 1917 г. является также и лейтмотивом евразийской публицистики.

Н.Н. Алексеев в статье «Русское западничество» (1929) отмечал, что «и европеизаторы России стиля “кнуто-германской” Империи, и их умеренные противники либералы, и радикалы, включая марксистов» являлись «эпигонами европейской культуры», разделяли общие мировоззренческие предпосылки, видели в русском народе лишь «косную массу», «тормозящую развитие России к прогрессивному лучшему» [1, с. 109]. Согласно Алексееву, русское западничество в своем развитии завершило и исчерпало все возможные свои циклы: «подражали Европе старой, старались подражать Европе новой, современной, и, наконец, закончили подражанием Европе будущей, еще реально не существующей или только существующей в зародыше» [1, с. 110]. Сходные идеи развивались также и другими теоретиками евразийства.

Таким образом, и Ильин, и евразийцы исходили из общей презумпции культурно-исторической, цивилизационной, духовно-религиозной самобытности России, отвергали соблазн западничества, подвергали критике беспочвенность русской интеллигенции. Однако, разделяя общую установку на ценностный примат национальной самобытности, Ильин и идеологи евразийства радикально расходились в оценках как истоков и природы большевизма, так и перспектив развития советской политической системы.

В публицистических статьях 20-х гг. Ильин и теоретики евразийства обменивались резко полемическими выпадами, заведомо упрощая и огрубляя

позицию противоположной стороны. Примечательно, что каждая сторона обвиняла другую именно в игнорировании самобытности России.

Так, Н.С. Трубецкой в статье «Наш ответ: евразийство и белое движение» (1925), не называя, правда, имен, писал об идейных противниках, которые «травят евразийство на страницах своих газет» [13, с. 387]: «физически они еще живут, но как политики и идеологи давно умерли» [13, с. 387]. «Это бывшие люди, они живут всецело в прошлом, а настоящее их ничему не научило» [12, с. 387]. Критики евразийства, согласно Трубецкому, исходят из ложной дилеммы: «или дореволюционный status quo, или коммунизм» [13, с. 387]. Между тем, возврат к дореволюционному status quo невозможен, поскольку революция, согласно евразийской трактовке, как раз и стала закономерным результатом той антинациональной политики, которую проводили российские императоры на протяжении XVIII и XIX вв.

И.А. Ильин, в свою очередь, в статье «Самобытность или оригинальность?» [7], смешивая евразийство и сменовеховство, обвинял евразийцев в «азиофильстве», подмене подлинной самобытности «жалким оригинальничаньем» [7, с. 305].

Примечательно, что подобная идейная непримиримость возникла на почве общих, разделяемых и евразийцами, и Ильиными, фундаментальных мировоззренческих презумпций и установок. Помимо неприятия западничества, этой родовой травмы русской интеллигенции, и установки на национальную самобытность сюда можно отнести: утверждение идеи служения и вытекающего из нее принципа идеократии, последовательный антилиберализм, проявляющийся в неприятии западной модели политической многопартийности, парламентаризма, «формальной» демократии. И евразийцы, и Ильин придерживались «органического» понимания социально-исторической жизни и государства, отвергали присущие либеральным и социалистическим идеологическим доктринам принципы механицизма и детерминизма. Тем более значимым представляется тот факт, что в своих оценках и характеристиках сущности русского большевизма и советского политического строя Ильин и евразийцы фатально и необратимо расходились.

Резкость и бросающаяся в глаза несправедливость тех упреков и обличений, которые каждая сторона адресовала другой, отчасти объясняются polemическим характером статей. Но дело не только в публицистическом формате спора, но и в несовпадении фундаментальных исторических презумпций. Для евразийцев советское государство было *продолжением* многовековой истории России-Евразии. П.Н. Савицкий в статье «Евразийство как исторический замысел» писал: «Россию-Евразию евразийцы воспринимают как “симфоническую личность”. Они утверждают непрерывность ее существования. Она живет и в СССР, но только не осознает в нем своего существования» [10, с. 479]. Ильин же усматривал в русской революции *катастрофический разрыв* исторической преемственности, а в Советском Союзе — своего рода анти-Россию [9]. Русский философ видел в революции катастрофу и «сатанинский эксперимент», движимый одной только силой разрушения [5]. С начала 20-х гг. на протяжении без малого 30 лет он писал о недопустимости смещения национальной России с Советским Союзом, «русского» с «советским».

Ильин описывал революцию как растянувшееся во времени *национальное самоубийство*. «Началось с революционно-демократического и пассивно-непротивленческого самоубийства буржуазии и интеллигенции. Затем дошла очередь до крестьянства, выделяющего из себя тех самых коммунистических рабочих и солдат, которые его экспроприируют. И параллельно идет самоубийство рабочего класса, опускающегося до состояния индустриального рабства и безработной черни» [8, с. 110].

Косвенно оппонировав Ильину, Н.С. Трубецкой выступал против тех деятелей белой эмиграции, которые видели в революции «не стадию русской истории, а лишь перерыв в русской истории», для которых «естественная жизнь России как бы прекратилась с момента большевистского переворота» [13, с. 388]. Вопреки этой распространенной в эмигрантской среде точке зрения идеолог евразийства утверждал, что «несмотря на всю искусственность доктрин коммунизма, большевистскому правительству тем не менее силою вещей приходится осуществлять в целом ряде вопросов ту политику, которая является для России естественной, и приходится осуществлять эту политику именно потому, что Россия не умерла, что как историческая личность она продолжает жить и сейчас, несмотря на иго коммунизма» [там же].

Другой виднейший теоретик евразийства П.Н. Савицкий писал: «одно из отличий евразийцев от других современных русских группировок заключается в том, что они явственно ощущают черты исторических преювств, уже и теперь пронизывающих революцию» [10, с. 479].

И евразийцы, и Ильин, характеризуя революционный эксперимент 1917 г., писали об «иге», однако это терминологическое совпадение не должно вводить в заблуждение. Евразийцы последовательно различали *коммунизм* как идеологию, имеющую свои истоки в западноевропейском («германо-романском») культурно-историческом контексте, и *большевизм* как социально-политическое явление, во многом укорененное в русской исторической традиции. Ильин же подобное различие безоговорочно отвергал. Примечательно в этой связи, что Трубецкой использует термин «иго коммунизма», тогда как Ильин называет одну из своих статей «Иго большевизма».

В контексте евразийской публицистики 20-х гг. главным жупелом, квинт-эссенцией всего антинационального, был «европеизм» (коммунизм же рассматривался как одно из ответвлений «европеизма» и «западничества»). В публицистике же Ильина таким жупелом выступал большевизм, отождествляемый с коммунизмом. Примечательно, что Ильин и евразийцы использовали одни и те же выражения для описания того начала, в котором видели главную угрозу русской национальной самобытности. Н.С. Трубецкой писал о «ядах и соблазнах европеизма» [13, с. 388], И.А. Ильин — о яде и соблазне большевизма [5].

Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев и другие теоретики классического евразийства увидели в революции не только закономерный итог всего предшествующего исторического развития, но и возможность возвращения российской государственности к ее исконным — евразийским — началам, надежду на преодоление губительной для России европоцентристской культурно-цивилизационной и геополитической ориентации. Евразийцы подчеркивали парадоксальную природу революционных трансформаций: возвращение

к исконной национальной традиции подспудно осуществляется *вопреки* провозглашенным большевиками антинациональным коммунистическим принципам. Евразийство, по словам Н.С. Трубецкого, «решительно отвергая атеистические, материалистические и социалистические доктрины большевизма, тем не менее старается сквозь накиннутую на Россию красную мантию коммунизма прощупать биение живого сердца России, проследить изменения живого организма России» [13, с. 389].

Столь же неоднозначно оценивался евразийцами и советский правящий слой, и политический строй. Советская государственность, согласно евразийской трактовке, была *идеократической* по своей природе, и в то же время *антиидеократической* (материалистической и атеистической) по своей (провозглашаемой) идеологии. Согласно же трактовке Ильина, ничего парадоксального, ничего двойственного и внутренне противоречивого в русской революции и большевистском строе нет. Революция в публицистике Ильина получает вполне однозначную характеристику антидуховной, антинациональной и антигосударственной стихии, губительной и разрушительной не только для исторической России, но и для всего человечества.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Русское западничество // Путь. 1929. № 15. С. 81–111.
2. Гаман Л.А. И.А. Ильин о революции 1917 года в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 3. С. 131–136.
3. Гаман Л.А. Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008. 418 с.
4. Ильин И.А. Ненавистники России (II). Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. в 2 т. Т. 2. Москва: Айрис-пресс, 2008. С. 252–256.
5. eshatologia.org [Internet]. Ильин И.А. О революции [дата обращения: 22.05.2022]. Доступ по ссылке: <https://eshatologia.org/apostasia/bolshevizm/statii/o-revolutsii>
6. Ильин И.А. Русская революция была катастрофой. В кн.: Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. Москва: МП «Рарог», 1992. С. 107–111.
7. Ильин И.А. Самобытность или оригинальничание? Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). Москва: Русская книга, 2001. С. 303–309.
8. Ильин И.А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. Москва: Русская книга, 2001. 576 с.
9. Ильин И.А. Советский Союз — не Россия. Памятные тезисы. Собрание сочинений в 10 т. Москва: Русская книга, 1998. С. 323–358.
10. Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел. Избранное. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 479–494.
11. Семенов А.А. Евразийское понимание природы Октябрьской революции и перспектив сотрудничества с советской властью // Проблемы современной экономики. 2017. № 4. С. 17–21.
12. Сухорукова О.А. «Правда вопросов и неправда ответов»: Г. Флоровский и евразийцы о русской революции 1917 года // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 39–47.
13. Трубецкой Н.С. Наш ответ. Наследие Чингисхана. Москва: АГРАФ, 1999. С. 382–394.

References

1. Alekseev NN. Russkoe zapadnichestvo. *Put'*. 1929;(15):81–111. (In Russ.)
2. Gaman LA. IA Il'in o revolyutsii 1917 goda v Rossii. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2007;(3):131–136. (In Russ.)
3. Gaman LA. *Revolyutsiya 1917 g. i sovetskaya istoriya v osveshchenii russkoi religioznoi ehmi-grantskoi mysli* [dissertation]. Tomsk, 2008. 418 p. (In Russ.)
4. Il'in IA. *Nenavistniki Rossii (II). Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. v 2 t. T. 2*. Moscow: Airis-press, 2008. P. 252–256. (In Russ.)
5. eshatologia.org [Internet]. *Il'in IA. O revolyutsii* [accessed: 22.05.2022]. Available from: <https://eshatologia.org/apostasia/bolshevizm/statii/o-revolutsii> (In Russ.)
6. Il'in IA. Russkaya revolyutsiya byla katastrofoi. In: *Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948–1954 gg. T. 1*. Moscow: МР «Rarog», 1992. P. 107–111. (In Russ.)
7. Il'in IA. Samobytnost' ili original'nicanie? *Stat'i. Lektsii. Vystupleniya. Retsenzii (1906–1954)*. Moscow: Russkaya kniga, 2001. P. 303–309. (In Russ.)
8. Il'in IA. *Sobranie sochinenii: Kto my? O revolyutsii. O religioznom krizise nashikh dnei*. Moscow: Russkaya kniga, 2001. 576 p. (In Russ.)
9. Il'in IA. Sovetskii Soyuz — ne Rossiya. Pamyatnye tezisy. *Sobranie sochinenii v 10 t*. Moscow: Russkaya kniga, 1998. P. 323–358. (In Russ.)
10. Savitskii PN. Evraziistvo kak istoricheskii zamysel. *Izbrannoe*. Moscow: ROSSPEHN, 2010. P. 479–494. (In Russ.)
11. Semenov AA. Eurasian interpretation of the nature of the October revolution and perspectives of collaboration with the soviet regime (Russia, St. Petersburg). *Problems of modern economics*. 2017;(4):17–21. (In Russ.)
12. Sukhorukova OA. «The truth of questions and untruth of answers»: G. Florovsky and eur-asians about the Russian revolution of 1917. *Journal of Moscow City University*, Series “Philosophic Sciences”. 2017;(1):39–47. (In Russ.)
13. Trubetskoi NS. Nash otvet. *Nasledie Chingiskhana*. Moscow: AGRAF, 1999. P. 382–394. (In Russ.)

Информация об авторе

Илья Вячеславович Демин, доктор философских наук, профессор философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Самара, Россия. **E-mail:** ilyadem83@yandex.ru

Information about the author

Ilya V. Demin, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara University, Samara, Russia. **E-mail:** ilyadem83@yandex.ru